

от 2 - ОКТ. 1941

Москва

Газета №

„Род оружия — искусство“

— Кто? Куда?
— Мы—артисты, приехали на концерт...

Строгое лицо часового под металлической каской расплывается в обаятельную, добрую улыбку. В глазах — дружеская радость. Он не уйдет с поста и не увидит концерта, но он рад за товарищей.

— Связной, проводи к комиссару!

Вторая обаятельная, дружеская улыбка. И теперь — до концерта, во время него, после — до самого отъезда из части мы находимся в атмосфере тепла и ласки. Слова «шефство», «взаимная связь», даже «дружба» кажутся не выражающими этого тепла. Мы — в своей родной семье.

Какая это гордость за свою работу, за дело своей жизни, когда военком пишет в графе вашей карточки: «Род оружия — искусство». И какая ответственность! Хочется, чтобы и наш род оружия был на высоте поставленных перед всей страной великих задач, хочется сделать свой опыт общим опытом...

И вот несколько товарищеских соображений о нашей общей боевой работе.

Каждое наше выступление, каждая программа пронизаны одной мыслью — «К победе!» Но разве редко бывает, что эта огромная мысль доносится к боевому зрителю в формах лобовых, мелких, малохудожественных? Разве — простите меня — не становимся мы подчас чуточку смешными, когда предлагаем эстрадной актрисе со сцены призывать к победе зрителя, несколько часов назад делом и кровью доказавшего свою готовность отдать этой победе жизнь?

В каждой программе агитационная, призывная, подъемная ее часть должна быть ее главной частью, ее сердцем. Первые же опыты покажут, что, в зависимости от зрителя, она должна быть в пропорции неодинаковой на фронте или в тылу, в военной школе или в госпитале. Сюда, на эту часть, — главное внимание писателей, режиссеров, актеров. Этот патетический, серьезный кусок программы — самый ответственный, и он, естественно, труднее всего дается. Его надо находить. Он — самая страстная страница нашего концерта, и немного из того, что созда-

но нашей драматургией, здесь пригодно. Надо понять, что боец нашей отечественной войны далеко уже не тот зритель, что в годы войны гражданской. Перечтите агитки того времени («Гнездо осиное» Бронниковского, «Коммунистку» Кедровой и др.), с которыми мы тогда проделали такую большую, нужную работу. Вас охватит горячий жар боевых воспоминаний, но вы не решитесь выйти с этими агитками к зрителю: он вырос, уже зная то, о чем там горячо, но немного наивно говорить впервые. Мало помогут и живогазетные формы, пока они не найдут нового выражения. Простым возрождением «Синей блузы» сегодня не обойтись.

Надо искать! Без исканий нет художника. Но если в мирной обстановке перед мирным зрителем наши искания иногда принимали узко артистический, иногда даже эстетский характер, необходимость найти и тему и форму ее выражения сейчас, на войне, придает этим исканиям совсем другой характер. Сознание нужности, быстрый военный темп работы, четкая целеустремленность — делают репетиции по-особому деловыми и страстными. В решении новых сценических задач — не только наша помощь фронту, но и обогащение самого театра, актерской игры, быстрые и удачные находки, которые навсегда останутся в сокровищнице советского искусства. Вот когда нужны смелые эксперименты! Это я и мой военизирующийся коллектив чувствуем сегодня очень остро, готовы для бойцов поэму К. Симонова «Ледовое побоище».

Классики с нами и с Красной Армией! Все передовое, что существовало в мировом искусстве, помогает нам, воодушевляет нас, борется с теми, кто хочет силой оттащить человечество назад, к мраку прошлого. Английские актеры рассказывают, что Шекспир — особенно в своих хрониках — производит сейчас огромное впечатление на английских бойцов гордой силой своего патриотизма. А для нас уже перестали быть новыми просьбы и прямые указания нашего командования:

→ Дайте Пушкина, Гоголя, Чехова, Чайковского, Глинку!

Одна из фронтовых бригад вынуждена была включить в свою программу сцену Капючки и Бальзаминова из комедии Островского. Правда писателя, его великолепный юмор сделали то, что этот отрывок стал любимым у зрителя. Им кончают программу, его оставляют при смене остальных номеров. Классик нашей сцены — друг Красной Армии.

А сколько у мировых и русских классиков мыслей, образов, произведений, прямо связанных с нашей великой борьбой! Пушкинские «Песни западных славян» кажутся доносят голос поэта со всеславянского митинга. Вспомните хотя бы «Бонапарт и черногорцы». Не о сегодняшних ли партизанах говорят эти стихи?

Нам сдаваться нет охоты, —
Черногорцы таковы!
Для коней и для пехоты
Камни есть у нас и рвы...

Почему наши композиторы не превратили слова поэта в красноармейскую песню? Красная Армия ценит, любит Пушкина, она хочет петь пушкинские стихи.

Шутовские сцены хвастливого воина Пароля из шекспировской комедии «Конец — делу венец» приобретают в военной среде по-особому смешной смысл. Посмотрев их, красноармейцы надолго запомнят образ чванливого труса; имея классического шекспировского Пароля начинают бытовать в товарищеских пересмеях: никто не хочет быть Паролем. А сам Шекспир, освобожденный от груза театральных станков и пышной бутафории, является в блестящей человеческой яркости и вечной простоте.

Вспомните, сколько рассказано о любви к свободе, о борьбе за родину. Короткие сцены Мериме («Матео Фальконе»), Мопассана (весь военный цикл о пруссаках), Додэ («Плохой зуав») — в живых образах рассказывают об этих великих человеческих чувствах, о правде и красоте жизни.

Гоголь и Горький, Лопе де Вега и Мольер стоят рядом с нами и предлага-

ют нам свои сокровища. С товарищеской благодарностью возьмем у каждого из них то, что всего полезнее в нашей общей с ними борьбе за лучшее будущее для человечества.

Не один раз на вопрос о том, что хочется посмотреть бойцам, артисты слышат по-военному короткий ответ:

— Побольше и повеселее!

Вот этого «повеселее» никогда нельзя забывать. Это «повеселее» следует принять за самый серьезный наказ всем нам. Опыт показывает, что в этой части дело обстоит сравнительно благополучно. Правда, жажда веселого так сильна, что мы имеем дело со зрителем, которого, что называется, рассмешить легко. Иногда в этом смысле неприятие эстрады искусства; тогда вместо настоящего юмора зрителью начинают преподносить чепуху, докатываясь подчас и до прямой пошлости, особенно в импровизационных концертах.

Думается, что это происходит в конечном счете от отсутствия одного военного качества, которое мы, поставившие себя на службу фронту, должны воспитать в себе и в окружающих. Теперь суворовские принципы смелости, быстроты, натиска относятся и к нам. Благодушные мирного времени — долгое раскачивание прежде, чем приступить к работе над премьерой, до странности продолжительное обдумывание пустяков, горячее обсуждение ясных вещей — все это было хоть в какой-то степени извинительно, когда сделать премьеру было так же сложно, как перестроить дом. В какой-то степени мы развращены этим. А теперь от нас требуется гибкость и подвижность во всех отношениях.

В утренних газетах мы получаем в общей сложности около пяти стихотворений. Большая часть их потому помещена в газетах, что отзывается на вопросы сегодняшнего дня, часто даже на сегодняшнюю сводку или постановление правительства. Их надо читать с эстрады, с автомобиля (и читать хорошо) сегодня же. Тогда это — хороший подарок бойцам. Через неделю и радио, и газета обратят внимание на другое. Выбрать, назначить, разучить такое стихотворение сразу — это наше военное дело. Это же относится к ча-

стухе, к шутке, к клоунской репризе. В каждом номере журнала, в каждом юмористическом отделе, в каждом выпуске «Окон ТАСС», если их с этой целью просматривать, найдется материал, пригодный для эстрадной или сценической подачи.

Эту подвижность легких жанров надо развивать всемерно. То, что относится к сценкам, относится и к месту. Одна-две частушки, затрагивающие местные, относящиеся к той части, где сегодня идет концерт, вопросы, — всегда встречают особенно теплый и радостный прием. И за темами ходить не надо: их вам, не задумываясь, предложит комиссар части, командир подразделения. А темы будут доходчивые и веселые, потому что Красная Армия бодрa и богата юмором.

Да, богата. И нам, художникам, нельзя допустить, чтобы бесследно для искусства протекали некоторые замечательные творческие явления. Фронт создает свои художественные образы. Родившийся в снегах Финляндии, может быть, из случайного разговора, появился, живет и здравствует на сцене в стихах, в песне общий любимец, неунывающий весельчак, находчивый, остроумный Вася Теркин. Не успели мы еще ознакомиться с ним как следует, взять в свое искусство и ьернуть его создателям в обогащенном нашим мастерством виде, как на полях отечественной войны, в шуточной пересылке слов, с листов фронтовых печатных и стенных газет обратился к нам новый коллективно создаваемый всеми армиями — Тимоха Сибиряков. Всеармейский, а значит и всенародный заряд бодрости, готовности продолжать борьбу до победы, веселого и уверенного жизненного понимания несут в себе эти коллективные произведения народного творчества дней войны.

Мы не ученые, изучающие фольклор. Мы боремся и творим вместе с народом. И, может быть, если мы, художники, писатели, поэты, актеры, подхватим эту народную творческую инициативу, мы создадим художественные образы такой силы, что потомки по ним будут угадывать волю страны, поднявшейся на защиту человечества от фашистского Змея Горыныча.

Ф. КАВЕРИН,
заслуженный артист республики